

Отчуждение в контексте позднего капитализма: между универсальностью и виртуозностью

Артур Третьяк

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
департамента гуманитарных наук Финансового университета,
Ленинградский проспект, д. 49/2, Москва, Россия
E-mail: assefir@mail.ru*

Отчуждение труда в контексте позднего капитализма: между универсальностью и виртуозностью

Аннотация:

В статье производится критический анализ доктрины «нематериального труда» в контексте классической для марксизма проблемы отчуждения. В наши дни концепт отчуждения, в идеалистической форме выдвинутый Гегелем и материалистически истолкованный Марксом как выражение процесса отчуждения труда, подвергается

обновленной интерпретации. Один из вариантов — доктрина «нематериального труда», представленная работами современных теоретиков, таких как Паоло Вирно, Андре Горц, Маурицио Лаццарато, Антонио Негри и Майкл Хардт. В ряду более ранних подходов к решению обозначенной проблемы выделяется версия отечественного теоретика второй половины XX века Эвальда Ильенкова, который связывал преодоление отчуждения с универсализацией человека. Схожая логика прослеживается и в доктрине «нематериального труда», которая, как утверждают ее авторы, опирается на объективную тенденцию развития производства и трудовых отношений при позднем капитализме. В новых условиях предполагается более значительная, чем прежде, информационная и коммуникативная насыщенность труда, что на фоне снижения его физической, материальной составляющей придает ему черты «виртуозности», приближает к практике творческого и политического действия, способствует универсализации. Теоретики «нематериального труда» реализуют две модели этой доктрины — экономическую и политическую, в которых акцентируются различные аспекты данного феномена и ставятся разные задачи. В нашей работе предлагается концептуализация доктрины нематериального труда как выражения «пророческой» функции (Д. Гребер) современной марксистской теории: она выражает логику осмысления проблемы отчуждения и пытается произвести свои варианты решения, которые потенциально утопичны.

Ключевые слова:

Нематериальный труд, отчуждение, капитализм, универсальность, виртуозность, политическое действие, Лаццарато, Вирно, Негри, Ильенков

Введение

Учение об отчуждении труда возникло как теоретическое осмысление конкретной социально-экономической ситуации рабочего класса в середине XIX века, однако впоследствии оно получило развитие в рамках более широкого философского контекста проблемы человека. Советский философ Эвальд Ильенков использовал философские ресурсы марксизма (см.: Ильенков 1968; 1991), чтобы продемонстрировать, как идея универсальности индивида может быть решением проблемы отчуждения труда. Проект Ильенкова переводит проблему отчуждения

в образовательное русло: решение кроется в подготовке образованного «универсального индивида», который будет не просто узким специалистом, а получит доступ к более широкому контексту всей доступной культуры. Субъективное, личностное начало как необходимый компонент для преодоления отчуждения предлагается уже у Ильенкова, но в социально-философской доктрине «нематериального труда», что возникает в конце XX века, разрабатывается более детально. В этой доктрине возрождается в новой форме классическая критика капитализма, которую Маркс осуществил с антропологических позиций, опираясь на концепт отчуждения труда. Нематериальный труд в самом базовом значении предполагает ориентацию работника на менеджмент «нематериальной» сферы знания как продукта «массовой интеллектуальности». Андре Горц связывает появление нематериального труда с необходимостью освобождения «живого знания», которое человек получает в широком пространстве культуры: через социализацию, образование, повседневное общение, практики и т. д. Горц выстраивает ту же самую логику, что и Ильенков: отчуждение возникает там, где живое знание специализируется и превращается в профессиональное знание узкого эксперта. Итальянский философ Маурицио Лаццарато утверждает (Lazzarato 1996), что нематериальный труд производит особый — информационный и культурный — товар и в то же время увеличивает духовно-теоретическую составляющую в процессе производства обычного — вещественного и материального — продукта. Иными словами, этот вид труда в гораздо большей степени, чем прежде, связан с социальным взаимодействием индивидов.

В работах Антонио Негри и Майкла Хардта (Хардт, Негри 2004; Hardt, Negri 2009) нематериальный труд является одной из главных категорий, с помощью которых они создают свою политическую философию множества. Он концептуализируется в биополитических терминах как общая способность человека к производству кооперации и коммуникации между индивидами. Если проводить первичную классификацию обозначенного концепта, то следует отметить, что Лаццарато выдвигает преимущественно его экономическую версию, которая фокусируется на проблеме производственной ценности труда и его включенности в экономику, в то время как Негри и Хардт, а также Паоло Вирно фокусируются на политической логике нематериального труда — в этом контексте труд является формой политического действия, с помощью которого множество создает свою собственную «политику» как форму жизни. Разработка доктрины

нематериального труда призвана продемонстрировать, какие именно трансформации претерпевает феномен отчуждения труда в обновленной системе современного капиталистического воспроизводства, где интеллект, труд и язык выходят на первый план (критики нового капитализма именуют эту систему пост-фордистской, или когнитивным капитализмом).

Теория нематериального труда встречает и острую критику в свой адрес. Дэвид Гребер показывает (Graeber 2008), что она воспроизводит уже устаревшие марксистские заблуждения о материальности и нематериальности результатов труда, что, по его мнению, является шагом назад. Тем не менее даже в этой мысли он усматривает позитивный жест — потенциал теории нематериального труда заключается не в том, как она описывает реальность, а в ее «пророческой» и критической функции, что характерно в целом для марксистской политической философии. Именно «пророческая» функция нематериального труда раскрывает перспективу на проблему отчуждения. В ходе последующего изложения будут проанализированы предпосылки, достижения и недоработки обозначенной доктрины с учетом тех изменений, что классический концепт отчуждения приобрел благодаря усилиям марксистски-ориентированных теоретиков, среди которых особо следует выделить Эвальда Ильенкова. Как нам представляется, в рамках марксистской теоретической парадигмы феномен нематериального труда как фактор преодоления отчуждения остается непроясненным. В данной работе мы попытаемся раскрыть социально-философский смысл теории нематериального труда и представить опыт концептуализации этой теории в рамках более общей и классической для марксизма темы отчуждения.

Доктрина отчужденного труда

Классическая концепция отчужденного труда, как правило, связывается с именем Маркса, но сама структура данного концепта присутствует уже у Гегеля в знаменитом фрагменте про Раба и Господина из «Феноменологии духа», где диалектика их взаимодействия рассматривается как ключевая фаза в формировании самосознания. Два самосознания сталкиваются друг с другом в борьбе не на жизнь, а на смерть, и тот, кто больше ценит жизнь и не готов рисковать, становится Рабом. Отношения между Рабом и Господином затрагивают и отношение к внешнему миру: Раб трудится на Господина, обрабатывает внешнее окружение, чтобы получить уже готовые продукты труда. Геге-

левский взгляд на проблему труда затрагивает аспект, связанный с образованием смысла деятельности Раба. Рабское сознание вынуждено трудиться, выбрав «жизнь», оно сталкивается, как пишет Гегель, со «стороной несущественного соотношения с вещью» (Гегель 2006: 105). Однако в этом процессе Гегель видит позитивный элемент, поскольку труд позволяет Рабу осознать себя как автономно действующее существо. В труде сознание, согласно Гегелю, получает опыт самостоятельности предмета, труд предстает как чуждый элемент, который необходимо сделать «своим»: «Негативное отношение к предмету становится *формой* его и чем-то *постоянным*, потому что именно для работающего предмет обладает самостоятельностью» (Там же).

Рабское сознание через отчуждающий процесс труда ради Господина преодолевает ложное представление о себе. Трудовая деятельность позволяет раскрыть новые смыслы жизни Раба, которые до этого были не видны. Тимоти Браунли предлагает рассматривать образование новых смыслов деятельности Раба как преодоление источника проблемы отчуждения в «Феноменологии» Гегеля: «Таким образом, корни отчуждения лежат в опыте ложной концепции «я». Отчуждение возникает, когда преобладающая концепция того, что значит быть «я», не в состоянии охватить те элементы моей конституции, которые необходимы для моего собственного понимания себя и которые необходимы для поддержания моего социального мира» (Brownlee 2015: 384–385). Итак, проблема отчуждения раскрывается как разрыв между тем, что Раб уже понимает о самом себе, и реальными условиями, с которыми его сталкивает жизнь. Связь отчуждения, сознания и труда у Гегеля представлена как сложная, динамичная структура; преодоление отчуждения предполагает формирование новых смыслов, представлений о самом себе, что подготавливает почву для самостоятельного действия.

Отчуждение труда является одной из ключевых тем раннего Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он анализирует феномен отчуждения труда в условиях промышленного воспроизводства при индустриальном капитализме (Маркс 2010). Позиция Маркса отличается от позиции Гегеля не только материалистической нагруженностью, но и более весомой антропологической направленностью рассуждений: «Маркс, в противовес Гегелю, рассматривает не отчуждающий труд, не труд отчуждения, а отчуждение труда. То есть труд, который отчуждается» (Ашкеров 2003: 58). При этом, как замечает Ашкеров, анализирующий данное соотношение, Маркс все еще смотрит на труд как на нечто преимущественно негативное: «Это взгляд

на трудовую деятельность не из перспективы господства, а из перспективы рабства» (Там же).

Тем не менее важно, что труд создает все вещественное многообразие внешнего мира, который при таком подходе противостоит человеку как нечто, подобно Господину, по-прежнему порабащивающее его природную и социальную жизнь и дающее ему ложное представление о себе, которое необходимо преодолевать. Отчуждение труда — это комплексный процесс, и Маркс подчеркивает, что мы имеем дело с отчуждением четырех видов: 1) отчуждаются результаты труда; 2) человек отчуждается сам от себя, поскольку отчужденный труд «превращает для человека его родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни» (Маркс 2010: 326); 3) сама родовая сущность человека отчуждается от него, его потенциальные способности как человека, его духовная и материальная жизнь ставятся на службу капиталу, и он не проявляет себя свободно как универсальный индивид; и, наконец, 4) отчуждение от других людей, поскольку и другие люди выступают в этом отношении как чуждые ему агенты, которым он противостоит так же, как и продуктам своего отчужденного труда. Эти четыре вида отчуждения демонстрируют комплексность проблематики труда и ее связь с антропологией и политикой, поскольку необходимость снятия отчужденного труда будет у Маркса в дальнейшем соотноситься с уничтожением частной собственности и процессом политической и экономической эмансипации.

Маркс неоднократно повторяет, что человек по своей природе существо универсальное, что он может быть кем угодно и заниматься самыми разными вещами, однако в труде эта внутренняя универсальность утрачивается, т. е. труд не реализует внутренний потенциал человека, трудящийся «чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, <...> в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя» (Там же: 327–328). Возникает тема индивидуальности человека как сочетания уникальности с универсальностью: человек полноценно реализует себя только тогда, когда «относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому *свободному*» (Там же: 329). Выражением этой универсальности может быть и идея «всеобщего труда», которую можно обнаружить в «Капитале» (Маркс, Энгельс 1961: 116). Всеобщий труд мыслится как идея свободной деятельности, не связанной с прежним разделением труда: «Всеобщий труд противопоставлялся труду, традиционно *разделенному* на физический и интеллектуальный. Он был, конечно, прежде всего

интеллектуальным, но *не в качестве* социально отделенного от материального, а в качестве освободившегося от векового проклятия физического труда» (Маяцкий 2007: 231). Универсальный характер всеобщего труда реализуется в том, что человек может свободно применять в нем свои способности; подобный труд рассматривается не ради своего продукта (который может быть отчужден), а скорее, ради самого процесса свободного применения человеческих сил и способностей.

Универсальность человека рассматривается Марксом с самых разных сторон (в контексте понятий свободы, уникальности, духовных и физических сил), но при этом не выделяется среди других человеческих качеств (Рыбин 2011: 197). Отчуждение труда противодействует их полноценному проявлению, и потому логично задаться вопросом, может ли появиться такой труд, который будет лишен отчуждающих характеристик? Маркс отвечает на этот вопрос утвердительно, но перспектива преодоления отчуждения связывается у него с развертыванием универсальности лишь опосредованным, косвенным образом.

Подробнее об универсальности как о главном способе преодоления отчуждения говорит Эвальд Ильенков. Он предлагает прямо взглянуть на проблему преодоления отчуждения труда как на перспективу целенаправленного «восстановления» универсальности человека. Конкретизация концепта универсальности является значительным фактором развития советского марксизма: «Но главное, что сделал Ильенков, — открыто заявил, что целенаправленное воссоздание человеческой *универсальности*, «культивирование» человеческого индивида с опорой на весь массив коллективного опыта (и наработанного прежде, и непрерывно нарабатываемого по ходу развития культуры), и есть подлинный ключ к решению всех загадок мировой истории» (Там же: 201–202).

Как и Маркс, Ильенков развивает свою концепцию на основе критики капитализма и его антропологических аспектов. Капитализм порождает комплексный мир техники, в котором его власть над природой, реализуемая как активность *homo faber*, постоянно возрастает. При этом техника все больше обретает форму воздействия на жизнь человека. В работе «Об идолах и идеалах» Ильенков показывает, что в условиях рыночной экономики человек становится частью большого механизма, попадает в сети технического контроля: «И получается, что уже не Человек трудится с помощью Машины, а, наоборот, Машина работает с помощью Человека. Не Машина служит ему, а он прислуживает Машине. Не Человек использует Машину, ее силу

и мощь, а Машина использует Человека, потребляя его живую плоть точно так же, как и любое другое сырье, а энергию его рук, мозга и нервов — точно так же, как она потребляет электроэнергию или энергию расщепленного атома» (Ильенков 1968: 38). В этой ситуации человек развивается односторонним образом: отчужденный труд приводит к очень глубокой специализации, что отнюдь не способствует развитию многогранной личности. Как результат, человек отдаляется от того, чтобы стать хозяином собственной судьбы, он все больше теряет свою свободу. Можно резюмировать, что отчуждение труда — это блокировка универсализации и, напротив, преодоление отчуждения — это культивирование человеческой универсальности. Универсальность становится и педагогической проблемой: нужно развивать человека всесторонним образом, дать ему инструменты для возможности свободной реализации своих личностных способностей. Внутренняя, субъективная сторона человеческой жизни должна найти свою реализацию в этом процессе универсального, всеобщего труда.

Ильенков активно использует философские ресурсы гегельянства и Спинозизма для расширения потенциала марксистской мысли. Мышление для него является центральным элементом формирования человека, он понимает мышление как деятельность, что способна раскрыть человеческую универсальность. Спиноза для Ильенкова является одним из первых философов, кто смог раскрыть деятельный аспект мышления: «Монизм Спинозы и преодоление дуализма Декарта Ильенков видит в перемене всей точки зрения на природу человеческого мышления <...>. Перемена состояла в том, что мышление рассматривается Спинозой не в отношении к мозгу, а в плане деятельности «мыслящего тела». Мышление по Спинозе не только осуществляется *через* деятельность, но оно само и есть деятельность» (Мареев 2007: 198). Универсальность человека раскрывается именно в деятельности через освоение всей полноты культуры, и для этого человек должен учиться «мыслить».

Через рассуждения Маркса и Ильенкова мы можем наблюдать, как доктрина отчужденного труда получает антропологическое измерение. Преодоление отчуждения преподносится через деятельностный подход — овладев всей полнотой культуры и развив себя, человек раскрывает потенциал своей универсальности, что противопоставляется одностороннему развитию личности. Труд, который мог бы развивать личность не односторонним образом, а через улучшение различных качеств человека, культивируя в нем универсальность, теоретически является неотчуждающим

трудом. Возможно ли достичь такого состояния труда в капиталистическом обществе? Современная марксистская теория не обходит вниманием эту проблему, предлагая различные варианты осмысления нового положения труда в социальной реальности. Теория нематериального труда является одним из таких вариантов осмысления феномена труда в современной капиталистической системе и раскрывает глубже те аспекты трудовой деятельности, связанные с отчуждением и универсальностью, которые мы рассмотрели выше.

Концепт нематериального труда: предпосылки и содержание

Рассмотрим общие представления о нематериальном труде. В знаменитом отрывке из «Экономических рукописей 1857–1859 гг.», обозначаемом как фрагмент «О машинах», Маркс говорит о превращении науки в «непосредственную производительную силу» и описывает процесс превращения «всеобщего интеллекта» в ключевой фактор всей системы рыночного воспроизводства (Маркс, Энгельс 1969: 215). Опираясь на этот фрагмент, Вирно делает вывод о том, что интеллект, с одной стороны, становится «общим» (он открыт для каждого желающего, и его результаты используются всей массой людей), с другой, он превращается в центр новой формы труда (Вирно 2013: 32). Энрике Аморим усматривает в этом же фрагменте формулировку парадигмы современного капиталистического общества: «Этот отрывок, взятый из общего контекста в широком творчестве Маркса и специфического контекста в «Grundrisse», позволяет предположить, что развитие имматериальных форм труда (которое можно было бы назвать «когнитивным») можно рассматривать как социальную тенденцию, которая началась в наиболее экономически развитых обществах (Западная Европа, США и Япония) в 1960-х годах и неизбежно распространится на периферию капитализма» (Amorim 2014: 91).

Концепция нематериального труда описывает переход от индустриальной модели труда, которую Верчеллоне характеризует как немую и «повторяющуюся кооперацию» (Vercellone 2005: 7), к другой модели, что концентрируется вокруг производства коммуникации и знания. Информатизация и распространение знаний являются главными тенденциями развития когнитивного капитализма, пролетарий превращается в менеджера, который занимается большими потоками информации и продуцирует знание в процессе своего труда. Нематериальный труд включает в себя

значительный субъективный компонент: Андре Горц называет это «самосозданием», постоянным производством себя в процессе труда. Подобная интерпретация вновь возвращает нас к Гегелю и его идее преодоления отчуждения как производства нового сознания, нового смысла своей деятельности, который получает Раб в результате знаменитой диалектики, описанной на страницах «Феноменологии духа». Горц подчеркивает, что современные условия труда создают необходимость регулирования огромных потоков информации и «пользователь должен быть постоянно сосредоточен на управлении этими потоками, проявляя внимательность и инициативность, которых от него невозможно потребовать приказом или инструкцией. Он должен сделать субъектом своего труда самого себя, т. е. обеспечить производство самого себя, постоянное самосоздание» (Горц 2010: 24).

Самосоздание субъекта в процессе нематериального труда связано с увеличением интеллектуальности труда, правда, это не говорит о том, что все люди становятся интеллектуалами, — скорее речь идет о потенциальной доступности знаний. Негри и Верчеллоне, продолжая мысль Горца, пишут, что в конце XX века постепенно намечается доминирование интеллектуального аспекта в деятельности рабочего: «Рабочий класс отрицал себя (или, по крайней мере, свою центральность), выстраивая фигуру коллективного работника «общего интеллекта», субъективные условия, а также структурные формы экономики, основанные на движущей роли знания и его распространении» (Negri, Vercellone 2007: 47). Рабочий класс, безусловно, полностью не исчезает с экономического и политического пространства капиталистического общества, однако в центре производственной деятельности вырастает роль науки и образования, а вместе с этим — необходимость выстраивать коммуникацию между усложнившимися сферами производственной деятельности.

Противопоставление традиционного, ручного, или «материального», труда и нематериального соотносится с противопоставлением фордизма и постфордизма. В первом случае мы имеем дело с фабричным, потоковым производством товаров, зарождение которого наблюдал еще Маркс, а во втором производство товаров находится в рамках децентрализованной сети коммуникаций различных агентов, где огромную роль играют коммуникация, координация действий, создание имиджа, реклама, маркетинг и т. д. Постфордизм требует более сложной сети коммуникаций и эффективного менеджмента, иными словами, возрастает роль нематериального уровня в структуре производства товаров и услуг:

В структурах фордизма существовала традиционная иерархия владельца, управляющего этажом, и рабочих, каждый из которых стоял (более или менее) лицом к лицу, отдавая или получая приказы. В структурах постфордизма иерархический контроль более сложен и рассредоточен, перемещаясь по различным каналам и географическим местоположениям. Это изменяет отношения между коммуникацией и капиталистическим производством (Gaudio 2011: 124).

Продукты, связанные с нематериальным трудом, не сводятся к прямолинейному производству товаров, они существуют в виде информации: знаний, отчетов, схем, таблиц, аналитики, текстов и т. д.

Распространение такой формы труда не означает, что «материальный» труд, т. е. процесс создания материальных объектов, уже не является больше актуальным для капитализма предприятием. Негри и Хардт подчеркивают, что «образы, информация, знания, аффекты, коды и социальные отношения начинают перевешивать материальные товары или материальные аспекты товаров в процессе формирования стоимости. Это означает, конечно, не то, что производство материальных благ, таких как автомобили и сталь, исчезает или даже сокращается в количественном отношении, а скорее то, что их стоимость все больше зависит и подчиняется имматериальным факторам и товарам» (Hardt, Negri 2009: 132). Но гораздо важнее, что и материальные, и нематериальные факторы вполне реальным образом воздействуют на человека.

Нематериальный труд: антропологические тенденции

Нематериальный труд в большей степени, чем ручной и фабричный, выводит на первое место в процессе труда производство коммуникации. Как она возникает и в чем ее специфика? Производство табуретки из древесины не требует интенсивной коммуникации, а лишь подходящих инструментов и умелых рук одного работника. Продажа табуреток на рынке уже требует умения эффективно вести диалог. Еще более сложная система производства и реализации товара, которая включает в себя рекламу, маркетинг, продвижение товаров и услуг и кооперации с другими частями производственного процесса, требует более интенсивных коммуникационных навыков от работника. Чем дальше человек отдаляется от непосредственного ручного

труда, тем больше его работа обрастает сложной системой коммуникаций с другими. Теоретики нематериального труда подчеркивают, что современная экономическая система построена именно на таком типе производственных отношений.

В этих условиях личность работника начинает играть центральную роль в создании товара. Рабочий вкладывается не просто механически в свой труд, он вкладывает свою субъективность, то есть свои уникальные личностные черты, способность нестандартно, по крайней мере не всегда шаблонно, мыслить и решать те или иные задачи: «Автопроизводители, юридические фирмы, фармацевтические компании, инвестиционные банки, колледжи, больницы, исследовательские центры, федеральные агентства и другие подобные бюрократические учреждения включают в себя отделы кадров, мозговые штурмы и сессии по сбору информации, организационные опросы, ежегодные собрания, служебные рассылки, праздничные обеды, консультационные услуги и анонимные ящики для комментариев. Эти институционализированные каналы коммуникации вызывают и экстернализируют личные мысли, отношения и чувства работников — внутренняя жизнь вытаскивается наружу» (Gaudio 2011: 125). Субъективность человека становится важным фактором в процессе труда, от работника требуется демонстрация определенных качеств, необходимых работодателю; на человека могут смотреть не только как на исполнителя функции, но и в целом как на уникальную личность, которая помещается в рамки трудовых задач.

Итак, личностные качества человека активно включаются в процессы нематериального труда, более того, они и создают своеобразное идеологическое пространство потребления товаров и услуг. Это пространство потребления Лаццарато именует «идеологической средой», состоящей из эмоций, идей, представлений, которые являются фоном повседневной коммуникации, со стороны которого исходят ожидания и представления относительно того, как она будет происходить. В этом процессе воспроизводится субъективность индивида, создавая условия для нормального протекания коммуникации, в ходе которой закрепляются ожидания и идеологические установки потребителя и рабочего:

Если производство сегодня есть непосредственно производство социального отношения, то «сырьем» нематериального труда являются субъективность и «идеологическая» среда, в которой эта субъективность живет и воспроизводится. Производство субъективности перестает быть только инструментом социального

контроля (для воспроизводства коммерческих отношений) и становится непосредственно производительным, поскольку целью нашего постиндустриального общества является конструирование связи потребителя/коммуникатора — и конструирование ее как «активного» отношения (Lazzarato 1996: 142).

Активное отношение между производством и потреблением есть, по существу, процесс нематериального труда, поскольку он больше не является односторонним явлением, но предполагает взаимодействие и кооперацию, пусть и с разной степенью активности.

В работах Вирно, Негри и Хардта тема нематериального труда тесно связана с политической логикой «множества» (*multitude, la moltitudine*). Более того, нематериальный труд преподносится, с политической точки зрения, как включенная в политику трудовая деятельность множества, а поэтому он имеет отчасти и революционный характер. Само множество описывается как развитие классового проекта и новая форма жизни: важно показать, что это не просто другое имя для рабочего класса или студенчества, а форма бытия «многими», не сводимая к единству репрезентации политическая материя (Hardt, Negri 2019: 87). Множество появляется не на пустом месте, оно формируется в глобализированном обществе — Империи, которая не замыкается в границах отдельных государств. Хардт и Негри убеждены, что множество обладает созидательной силой и способно создать альтернативный способ политического бытия, противостоящий порядку Империи (Хардт, Негри 2004: 15).

Доктрина множества, предложенная Негри, возникает через рецепцию философии Спинозы, в рамках которой он делает особый акцент на понятии «мощь» (*potentia*). Если Ильенков в своем обращении к Спинозе концентрируется на единстве тела и мышления через проблему деятельности, то Негри выбирает совершенно иной подход к интерпретации творчества голландского мыслителя. Негри анализирует понимание бытия вместо деятельности: бытие — это имманентный уровень, в котором каждая вещь стремится сохранить себя, бытие определяется как мощь. Бытие как имманентная логика обнаруживает борьбу, напряжение; иными словами, бытие не определяется существованием трансцендентного, бытие определяется самим собой: «Между тотальностью и модальностью нет никакого опосредования, есть только напряжение; нет никакого абстрактного, трансцендентального определения, есть только напряжение самого бытия» (Negri 1991: 43).

В этой парадигме выстраивается образ множества как коллективного плана имманентности, деятельность или мышление множества не так важны, как важен сам факт совместного бытия в качестве сообщества, наделенного мощью. В отличие от Ильенкова, который больший акцент делал на гносеологии, Негри разрабатывает политическую онтологию множества. Двое авторов сходятся в своем уважении к мысли Спинозы, но их подходы к адаптации его философии значительно отличаются.

Теоретики множества придают этому концепту позитивное и революционное звучание. Логика имманентности бытия, полученная от Спинозы, гармонично встраивается в осмысление этого феномена, Негри лишь придает ему более явные материалистические ориентации, избавляясь при этом от гегелевской диалектики. Множество бедняков является основой общественного производства: «Другими словами, бедняки относятся не к тем, у кого ничего нет, а к широкому множеству всех тех, кто встроен в механизмы общественного производства независимо от общественного порядка или собственности. И этот концептуальный конфликт также является политическим конфликтом» (Hardt, Negri 2009: 40).

Будучи основой общественного производства, множество постоянно трудится, и теоретики современной доктрины множества обращаются к анализу особенностей их труда. Нематериальный труд в этом контексте — способ труда множества, который будет приобретать черты политического действия. Различные формы онлайн-активизма, кампании по сбору подписей, просвещенческие программы, работа независимых новостных агентств и другие практики, которые разделяются и поддерживаются огромным количеством разных людей по всему миру, составляют политическую логику нематериального труда множества (Gandio 2011: 129).

Хардт и Негри сосредоточиваются на биополитической стороне труда. Нематериальный труд в своей сущности является биополитическим, поскольку нацелен на воспроизводство кооперации и коммуникации между индивидами. Понятие «биополитика», в отличие от традиционного фукольдианского понимания, в этом контексте означает не государственный контроль над телами и жизнью населения, а скорее воспроизводство трансиндивидуальной стороны жизни людей, т. е. биополитика описывает, как люди создают политическое пространство общения. И здесь мы можем явно наблюдать политический потенциал нематериального труда, ведь он «является *биополитикой* в той мере, в какой он направлен на создание форм общественной жизни; но в таком

случае он обычно уже не ограничивается экономикой, а сразу становится общественной, культурной и политической силой» (Негри, Хардт 2006: 91). Политическая сила нематериального труда порождает субъективность в том смысле, что в ходе коммуникации и кооперации закрепляются основные субъективные установки, утверждается особое мировоззрение, которое служит основой для действия в политическом мире. Биополитический труд множества создает потенциал для появления новой формы жизни, поскольку он плавно вытекает из «онтологического статуса» множества в политической реальности и всегда раскрывает что-то большее, создает политику, формирует новые смыслы деятельности.

Вирно, продолжая эту линию рассуждений, обращает внимание на антропологическое измерение нематериального труда: в него в нарастающей степени включаются язык, интеллект, информационные потоки, в общем «коммуникации». Тем самым труд обретает качества политического действия. При этом Вирно использует некоторые положения из «*Vita activa*», известного труда Ханны Арендт, которая в своей теории деятельной жизни наряду с трудом и созданием выделяет особую сферу — политическую (действие), где человек, будучи нацелен на коммуникацию в плане воздействия на других людей (в чем, как сформулировал еще Аристотель, и состоит смысл политической деятельности), в то же время реализует свою уникальность (Арендт 2017: 217). Вирно подчеркивает еще два обстоятельства. Во-первых, политическая деятельность обладает таким качеством, как «виртуозность», поскольку, предполагая наличие аудитории, то есть некоторой совокупности воспринимающих людей, она уподобляется воздействию деятеля-виртуоза (музыканта, преподавателя, священника и т. д.) на публику. Во-вторых, обновленная система капиталистического производства, основанная на знании и информационных технологиях (Вирно именует ее «постфордистской», поскольку она противоположна более ранней фордовской индустриальной системе, в основе которой — конвейер как воплощение сугубо механических действий человека, разложенных на отдельные операции и затем технически совмещенных), связана с насыщением коммуникативными аспектами и в плане самого процесса производства, и в плане производимого продукта. Продукты труда и сам процесс труда в этих условиях приобретают политическое звучание.

Таким образом, главную антропологическую тенденцию нематериального труда можно выразить старой формулой: чело-

век как политическое животное с помощью речей оказывает влияние на других. В труде человек может проявить себя как политик, а для того, чтобы избежать политического измерения в труде, требуются определенные усилия, как показывает Вирно, вспоминая музыканта Гленна Гульда, который ради избавления от «политичности» в своей деятельности стремился уйти от публичности и превратить творчество в более прямолинейный материальный процесс (Вирно 2013: 54). Отсюда возникает интерес к рассмотрению вопроса о реальном соотношении труда и политики и том, как такое соотношение меняет жизнь человека: отчуждает ли оно его от труда или, напротив, дает больший контроль? Попробуем проанализировать поставленный вопрос с опорой на понятие виртуозности, которое предложил Вирно.

Парадокс виртуозности

В концепции Вирно понятие виртуозности обозначает определенный уровень универсальности в самом процессе нематериального труда. Но может ли виртуозность кардинальным образом освободить человека и создать условия для неотчуждающего труда? Иными словами, можно ли говорить о подлинной универсализации — критерии, который выдвигали Маркс и Ильенков, — когда в процессе производства труд соединяется с виртуозностью или по крайней мере принимает некоторые ее черты?

В постиндустриальном обществе труд рабочего на заводе не всегда сводим только к самому процессу производства товаров. Рабочий находится в постоянной коммуникации с другими. Когда коммуникация с другими выходит на первое место, вместе с этим начинает приобретать существенное значение процесс труда во внерабочее время, и здесь для рабочего необходимо продемонстрировать свои виртуозные навыки, пишет Горц:

Так, журналисты пишут книги, рисовальщики из рекламных агентств — картины, а компьютерщики проявляют свою виртуозность как хакеры и создатели свободного программного обеспечения. Им важно спасти свою честь и не продать «свою душу». Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотальной утилизации, «работники нематериального труда» начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе (Горц 2010: 32).

Честь и слава, которую работники хотят «спасти», демонстрирует их приверженность к тому, что они осознают себя как нечто большее, чем просто рабочий инструмент, — виртуозность показывает универсальность человека. Вирно придает этому факту политическое звучание, он без колебаний утверждает, что политика может проникнуть в рабочее пространство человека без внешнего вмешательства «партийного авангарда», когда «политика, в широком смысле слова, становится производительной силой, функцией, «ящиком с инструментами»» (Вирно 2013: 71).

Нематериальный труд содержит в себе интенцию, которая реально производит интеграцию и усиливает трансиндивидуальную связь. Аморим, хотя и не ссылается на работы Ильенкова, подчеркивает аспект универсализации, складывающейся в обновленной системе производства. Проблематика универсальности становится здесь местом встречи и пересечения мысли советского и западного марксизмов. Тип «универсального рабочего» соответствует такой форме труда, в которой человек преодолевает узкие рамки специализации и может исполнять более широкий набор коммуникативных функций, привнося в работу элементы своей человеческой индивидуальности и креативности:

Лаццарато, в свою очередь, основываясь на исследовании технологических изменений, осуществленных на «тойотистских» фабриках в 1960-х и 1970-х годах, утверждает, что тенденция заключается в замене специализированных рабочих универсальными (*versatile*) рабочими. Эти универсальные работники, по его мнению, будут развивать новый вид субъективности, субъективность «командования», совершенно отличную от субъективности, выработанной при Тейлоре-Форде до появления автоматки и роботов. Труд универсального работника не стандартизирован, что значительно затрудняет оценку его деятельности (Amorim 2014: 92).

Образ, описанный Ильенковым, конкретизируется вновь — виртуозный работник нематериального труда несет в себе явные черты универсального индивида.

Тем не менее в действительности ситуация не является столь благополучной: наряду с универсализацией нематериальный труд порождает прямо противоположные тенденции. Вспомним, что виртуозность в процессе нематериального труда управляет поведением человека, побуждая развивать в нем определенные качества, которые необходимы для успешной коммуникации с другими. С одной стороны, это хорошо и полезно (как это обыч-

но и оценивают), с другой, это может являться своеобразным авторитарным опытом, поскольку человек обязан исполнять эти функции, от этого зависит его эффективность в трудовом процессе. Когда эксплуатация индивидуальности человека помещается в центр производства стоимости, тогда индивидуальность отчуждается от нас, по классическим канонам марксизма, как не принадлежащий нам инструмент нематериального труда. Virtuозность предлагает присутствие других, она невозможна без наличия публичного пространства, в котором мог бы разворачиваться нематериальный труд. Но, оставаясь в рыночной системе, человек производит пространство потребления, устанавливая отношения «покупатель — продавец», он наполняет его уникальным содержанием, идеями, образами, «аффектами, отношениями, знанием» (Zaru 2019: 78), — всем тем, что является компонентами нематериального потребления. Иными словами, то, что воспринимается как свобода самовыражения, может оказаться репрессивным институтом исполнения роли. Virtuозность может быть элементом отчуждения, поскольку она настоятельно требует «трансформации» опыта человеческого общения; даже если человек сам этого не хочет, он оказывается в условиях, где должен «говорить» определенным образом определенные вещи, которые диктуются ситуацией.

Таким образом, виртуозность может иметь репрессивный характер, что означает потенциальную возможность превращения виртуозности из свободного применения сил и способностей в инструмент отчуждения личностных качеств и характеристик индивида. Репрессивная виртуозность заставляет человека создавать и применять эти качества, но это требование, исходящее со стороны другого; становление субъектом коммуникации превращается в императив применения своих способностей. Virtuозность оборачивается организацией контроля над поведением трудящегося. На уровне межиндивидуальной коммуникации это отчуждение самой кооперации, которая порождается процессами нематериального труда; оно выражается в том, что идеологические, культурные, т. е. «идеальные продукты» труда не воспринимаются как область свободного и самостоятельного взаимодействия людей.

Идею репрессивной виртуозности можно развернуть в схожих параметрах, что и репрессивную толерантность в одноименном эссе Маркузе (Маркузе 2011). Идеал универсальности, подразумеваемый чисто логически в основаниях толерантности, терпит крах, считает Маркузе, и не реализуется в чистом виде. Свобода и независимость индивидов оборачивается их гетерономией:

«Универсальная толерантность становится сомнительной, когда это рациональное основание исчезает и толерантность предписывается манипулируемым и индоктринируемым индивидам, которые как попугаи повторяют мнения своих хозяев и свою гетерономию считают автономией» (Там же: 107). Репрессивная толерантность означает, что коммуникативные стратегии, нацеленные на поиск согласия и понимания (в духе Хабермаса), часто блокируются со стороны действующего истеблишмента. Попытка выразить себя и свое несогласие не находит должного выражения, поэтому «убеждение посредством дискуссии и равное представительство противоположных позиций (даже там, где оно действительно равное) теряют свою освобождающую функцию как факторы понимания и познания» (Там же: 113). В итоге толерантность становится инструментом для сохранения существующего порядка, она не способна произвести радикальные изменения в обществе и оказывается в ситуации парадокса: потенциальная освободительная функция толерантности угасает в связи с упадком «реального несогласия».

Виртуозность и репрессивная толерантность принадлежат по своей логике к единому процессу трансформации освободительного потенциала действия индивида в свою противоположность. Ловушка репрессивной виртуозности заключается в том, что она только на первый взгляд кажется потенциальным пространством раскрытия свободы индивида, его уникальности и личностных черт, на самом же деле виртуозный нематериальный труд является частью эффективного организационного контроля в новых капиталистических реалиях. Увидеть пространство политики в нематериальном труде еще не означает ее полноценной реализации. Нематериальный труд не исключает репрессивных форм, а скорее может быть проводником новых видов отчуждения. А сама политика в нематериальном труде может обернуться приказом к исполнению определенной роли, высказыванию определенных реплик, навязанных со стороны.

Изучение проблематики репрессивной виртуозности позволяет конкретизировать классическую марксистскую идею отчуждения в современных условиях. Возможна ли полноценная реализация освобождающей виртуозности, творчества, которое бы на онтологическом уровне раскрывало перед индивидом его универсальность в марксистском смысле? Конкретные исторические возможности сейчас, по всей видимости, остаются утопическими. Концепт «репрессивной виртуозности» показывает, что в сердцевине доктрины нематериального труда лежит та же самая утопическая конструкция, которую предлагали Маркс

и Ильенков. Тем не менее движение этой мысли остается как образ философии «еще не совершившегося дела» (Pirra 2019), того, что еще не реализовано здесь и сейчас, но следы которого нужно искать и осмыслять, а потому направление этого мышления стремится, выражаясь словами Маркузе, «расчищать духовное пространство, изнутри которого общество могло бы увидеть себя таким, каково оно в действительности» (Маркузе 2011: 100).

Заключение: пророческая функция нематериального труда

Мы проследили, каким образом заявленная Марксом проблема отчуждения интерпретируется в работах позднейших мыслителей, наиболее значимыми из которых сегодня представляются итальянские теоретики марксистской ориентации. Исходным пунктом нашей работы явилось положение Маркса, согласно которому труд не только играет ключевую роль в развитии капитализма, создании прибавочной стоимости и увеличении капитала, но всесторонним образом воздействует на жизнь человека и общества. Труд отчуждает человека от других, от самого себя, в процессе труда от человека отчуждается его продукт. Конкретизируя поставленную Марксом проблему, Ильенков усматривает главный фактор отчуждения в одностороннем развитии человека при том типе трудовой деятельности, которая практикуется при капитализме: все условия производства ограничивают универсальность как родовое свойство человека. Преодоление отчуждения труда заключается в формировании универсального индивида, который смог бы вобрать в себя всю полноту и сложность культуры и тем самым «снять» все отчужденные формы своего существования. Однако идеи Ильенкова остаются абстрактными пожеланиями, поскольку конкретной модели воссоздания человеческой универсальности, непосредственно связанной с тенденциями трансформации трудового процесса, он не выдвигает.

Доктрина «нематериального труда» отвечает на целый ряд вопросов, которые долгое время оставались открытыми. Информационно-коммуникативная насыщенность новейших систем производства, реализованных в наиболее развитых регионах современного глобализированного капитализма, создает некоторые предпосылки универсализации трудящегося, описанные в работах Маркса и Ильенкова. Прежде всего речь идет о таком качестве, как «виртуозность». Рассмотренная нами проблема виртуозности приобретает схожую конструкцию с репрессивной толерантностью у Маркузе, потенциально освободитель-

ный ресурс которой утрачивается в исторической перспективе. В условиях сохранения рыночной ориентации производственно-трудового процесса она же порождает авторитарность и иерархию, которые воспроизводят все те же фундаментальные характеристики отчуждения. Доктрина «нематериального труда», безусловно, вносит значительный вклад в разработку проблемы отчуждения труда, но не носит характера радикального теоретического прорыва, позволяющего говорить о ее решении.

В итоге доктрина нематериального труда, хотя и имеет значительное число неоднозначных аспектов, по существу работает не как действующая экономическая теория, а как критическая социальная теория, обладающая, по словам Гребера, «пророческой» функцией, что и составляет ее ценность. Это то, что максимально сближает теорию нематериального труда и критику отчуждения у Маркса, а потом и у Ильенкова. Несмотря на некоторые концептуальные расхождения, устройство аргументации доктрины нематериального труда и марксистской критики отчуждения «изнутри» остается одинаковым. Понятия «универсальности» и «виртуозности», которые мы изучали как понятия разных исторических традиций марксизма, нацелены на решение схожей проблемы: как избавить труд от его подчинительного положения, сделать его свободным через политические, педагогические средства, создающие условия для нового сообщества, в котором будет преодолено отчуждение? Потенциальная проблема репрессивной виртуозности, которую мы обнаружили, как раз и свидетельствует о решимости двигаться в сторону политического изменения, но в реальности подобный шаг, как обычно, натывается на внутренние противоречия. Однако пророческая функция всегда нацелена на критическое преобразование реальности: пророк осуждает пороки своего времени, и его задача не в том, чтобы точно отобразить ситуацию, а в том, чтобы создать условия для возможного вмешательства в эту реальность, т. е. пророк как бы «творит» настоящее, исходя из будущего, которое еще не наступило и, возможно, так и не наступило бы, если бы не его вмешательство.

Концепция отчуждения у Маркса и Ильенкова и вместе с этим доктрина нематериального труда представляют собой вариацию философии «еще не совершившегося дела» (*fait à accomplir*)¹, подобная философия критически и «пророчески» нацелена в будущее, открыта для изменений, которые происходят в настоящем. Она не всегда точно описывает события и процессы, которые происходят, но скорее стремится призвать, создать констелля-

¹Подробнее об этом можно прочитать в работе Стефано Пиппы (Pipra 2019).

цию событий, новое сообщество, в котором будет реализован определенный политический идеал.

Библиография

- Арендт, Ханна (2017). *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Ашкеров, Андрей (2003). «Философия труда». *Социологическое обозрение*, Т. 3, № 2: 50–70.
- Вирно, Паоло (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (2006). *Феноменология духа*. СПб: Наука.
- Горц, Андре (2010). *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Изд. дом НИУ Высшей школы экономики.
- Ильенков, Эвальд (1968). *Об Идолах и идеалах*. М.: Политиздат.
- Ильенков, Эвальд (1991) *Гегель и «отчуждение»*. В кн. Ильенков, Эвальд, *Философия и культура*. М.: Политиздат.
- Мареев, Сергей (2007). «Спиноза в советской философии». *Логос*, № 2 (59): 187–200.
- Маркс, Карл (2010). *Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. М.: Академический проспект.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1961). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 3; Кн. 3. *Процесс капиталистического производства, взятый в целом*, в Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 т., т. 25, ч. 1. М.: Госполитиздат.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1969). *Экономические рукописи 1857–1859 годов*, в Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 т., т. 46, ч. 2. М.: Политиздат.
- Маркузе, Герберт (2011). *Репрессивная толерантность*. В кн.: Маркузе, Герберт, *Критическая теория общества*. М.: АСТ: Астрель.
- Маяцкий, Михаил (2007). «Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма?» *Логос*, № 4 (61): 230–239.
- Рыбин, Владимир (2011). Ильенков и Маркс. *Альтернативы*, № 3: 193–203.
- Сосна, Нина (2014). «Потенциально «человеческое»: Вирно и медиальное». *Философский журнал*, № 10: 65–75.
- Хардт, Майкл, Негри, Антонио (2004). *Империя*. М.: Праксис.
- Хардт, Майкл, Негри, Антонио (2006). *Множество: Война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция.
- Amorim H. (2014) “Theories of immaterial labour: a critical reflection based on Marx.” *Work Organisation, Labour & Globalisation*, Vol. 8, N 1: 88–103.
- Brownlee, Timothy L. (2015). “Alienation and Recognition in Hegel’s Phenomenology of Spirit.” *The Philosophical Forum*, 46 (4): 377–396.
- Gandio, Jason Del (2011). “Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism.” *Radical Philosophy Review*, Vol. 14 N 2: 121–138.
- Graeber, David (2008). *The sadness of post-workerism, or, “Art and Immaterial Labour” Conference: A Sort of Review*, January 19, London, Tate Britain. https://biblioteca-alternativa.noblogs.org/files/2011/03/graeber_sadness.pdf.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2019). “Empire: Twenty Years on.” *New Left Review*, Vol. 120: 67–92.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2009). *Commonwealth*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lazzarato, Maurizio. (1996) “Immaterial labor.” In *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*, ed. Paolo Virno, Michael Hardt, 132–148. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Negri, Antonio (1991). *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza’s Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Negri, Antonio, Vercellone, Carlo (2007). “Il rapporto capitale/lavoro nel capitalismo cognitivo.” *Posse*, Ottobre: 46–56.
- Pippa, Stefano (2019). “Althusser with Machiavelli: ‘Thinking the Deed to Be Accomplished’ as a New Materialist Practice of Philosophy.” *Stasis*, Vol. 8. N 2: 94–119.
- Vercellone, Carlo (2005). “The hypothesis of cognitive capitalism.” *Towards a Cosmopolitan Marxism, Historical Materialism Annual Conference*, November 4–6. London, Birkbeck College and SOAS. https://www.researchgate.net/publication/23530759_The_hypothesis_of_cognitive_capitalism
- Virno, Paolo (2015). *When the Word becomes flesh: language and human nature*. South Pasadena: Semiotext(e).
- Zaru Elia (2019). *La postmodernità di “Empire”: Antonio Negri e Michael Hardt nel dibattito internazionale 2000–2018*. Milano: Mimesis.

Artur Tretiak

*Ph.D., Senior Lecturer
Department of Humanities, Financial University,
Leningradsky Prospekt 49/2, Moscow, Russia
E-mail: assefir@mail.ru*

The Alienation of Labor in the Context of Late Capitalism: Between Universality and Virtuosity

Abstract:

This article provides a critical analysis of the doctrine of “immaterial labor” in the context of the classic Marxist problem of alienation. Today, the concept of alienation — put forward in an idealistic form by Hegel and interpreted materialistically by Marx as an expression of the process of the alienation of labor — is undergoing a renewed interpretation. One rendering is the doctrine of “immaterial labor,” represented by the works of modern Marxist theorists, such as Paolo Virno, André Gorz, Maurizio Lazzarato, Antonio Negri, and Michael Hardt. A further response stands out among earlier approaches to the solution of this problem: that of the mid-twentieth-century Russian theorist Evald Ilyenkov, who linked the overcoming of alienation to the universalization of man. A similar logic can be traced in the doctrine of “immaterial labor,” which, according to its authors, is based on an objective trend in the development of production and labor relations under late capitalism. In these new conditions, it is assumed that the production of information and communication is privileged and that this, against the backdrop of a diminishing of the physical and material dimensions of the labor process, vests contemporary labor with “virtuosity,” brings it closer to practices of creative and political action, and promotes universalization. Theorists of immaterial labor deploy two models of this doctrine, one economic and one political, which each emphasize different aspects of this phenomenon and set forth different tasks. This article proposes a conceptualization of the

doctrine of immaterial labor as an expression of the “prophetic” function (Graeber) of modern Marxist theory — a new way of thinking about the problem of alienation, which produces its own, potentially utopian, solutions.

Keywords:

Immaterial labor, alienation, universality, virtuosity, political action, Lazzarato, Virno, Negri, Ilyenkov

References

- Amorim H. (2014) “Theories of immaterial labour: a critical reflection based on Marx.” *Work Organisation, Labour & Globalisation*, Vol. 8, N 1: 88–103.
- Arendt, Hannah (1998). *The Human Condition* [1958]. Chicago: University of Chicago Press.
- Ashkerov, Andrey (2003). “Filosofiya truda [Philosophy of Labor]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], T. 3, № 2: 50–70.
- Brownlee, Timothy L. (2015). “Alienation and Recognition in Hegel’s Phenomenology of Spirit. *The Philosophical Forum*, 46 (4): 377–396.
- Engels, Friedrich, Marx, Karl (1991). *Capital: A Critique of Political Economy, Volume Three* [1981]. Trans. David Fernbach. London: Penguin Books.
- Engels, Friedrich, Marx, Karl (2010). “Economic Manuscripts of 1857–58, in *Collected Works, Volume 29: Marx 1857–61*. Trans. Victor Schnittke and Yuri Sdobnikov. London: Lawrence & Wishart.
- Gandio, Jason Del (2011). “Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism. *Radical Philosophy Review*, Vol. 14 N 2: 121–138.
- Gorz, André (2010). *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. Trans. Chris Turner. Kolkata: Seagull Books.
- Graeber, David (2008). *The sadness of post-workerism, or, “Art and Immaterial Labour Conference: A Sort of Review*, January 19, London, Tate Britain. https://biblioteca-alternativa.noblogs.org/files/2011/03/graeber_sadness.pdf.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2000). *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2004). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: The Penguin Press.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2009). *Commonwealth*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hardt, Michael, Negri, Antonio (2019). “Empire: Twenty Years on. *New Left Review*, Vol. 120: 67–92.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (2018). *Phenomenology of Spirit*. Trans. Terry Pinkard. Cambridge: Cambridge University Press.
- Il’yenkov, Eval’d (1968). *Ob Idolakh i idealakh* [On Idols and Ideals]. Moscow: Politizdat.
- Il’yenkov, Eval’d (1991) “Gegel’ i ‘otchuzhdenie” [Hegel and ‘Alienation’], in *Filosofiya i kul’tura* [Philosophy and Culture]. Moscow: Politizdat.
- Lazzarato, Maurizio. (1996) “Immaterial labor. In *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*, ed. Paolo Virno, Michael Hardt, 132–148. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Maiatsky, Michail (2007). “Kognitivnyy kapitalizm — svetloe budushchee nauchnogo kommunizma? [Cognitive Capitalism: The Bright Future of Scientific Communism?] *Logos* [Logos], № 4 (61): 230–239.

- Marcuse, Herbert (1969). "Repressive Tolerance [1965]. In *A Critique of Pure Tolerance*, ed. Robert Paul Wolff, Barrington Moore, Jr., and Herbert Marcuse. Boston: Beacon Press.
- Mareev, Sergey (2007). "Spinoza v sovetskoy filosofii [Spinoza in Soviet Philosophy]. *Logos [Logos]*, № 2 (59): 187–200.
- Marks, Karl, Ehngel's, Fridrikh (1969). "Ehkonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Economic Manuscripts of 1857–1859], in *Sochineniya [Collected works]*, in 50 vol., Vol. 46, P. 2. M.: Politizdat.
- Marx, Karl (1992). "Economic and Philosophical Manuscripts (1844), in *Early Writings [1975]*. Trans. Rodney Livingstone and Gregor Benton. London: Penguin Books.
- Negri, Antonio, Vercellone, Carlo (2007). "Il rapporto capitale/lavoro nel capitalismo cognitivo. *Posse*, Ottobre: 46–56.
- Negri, Antonio (1991). *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pippa, Stefano (2019). "Althusser with Machiavelli: 'Thinking the Deed to Be Accomplished' as a New Materialist Practice of Philosophy. *Stasis*, Vol. 8. N 2: 94–119.
- Rybin, Vladimir (2011). "Il'yenkov i Marks [Ilyenkov and Marx]. *Al'ternativy [Alternatives]*, № 3: 193–203.
- Sosna, Nina (2014). "Potentsial'no "chelovecheskoe : Virno i medial'noe [Potentially 'Human': Virno and the Medial]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]*, № 10: 65–75.
- Vercellone, Carlo (2005). "The hypothesis of cognitive capitalism. *Towards a Cosmopolitan Marxism, Historical Materialism Annual Conference*, November 4–6. London, Birkbeck College and SOAS. https://www.researchgate.net/publication/23530759_The_hypothesis_of_cognitive_capitalism
- Virno, Paolo (2004). *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Los Angeles & New York: Semiotext(e).
- Virno, Paolo (2015). *When the Word becomes flesh: language and human nature*. South Pasadena: Semiotext(e).
- Zaru Elia (2019). *La postmodernita di "Empire : Antonio Negri e Michael Hardt nel dibattito internazionale 2000–2018*. Milano: Mimesis.